

НОВЫЙ
Журнал

108

THE NEW
REVIEW

П 34
900

2

П34
900
Кн.108
1972

THE NEW REVIEW Новый Журнал

Основатели — М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

Тридцать первый год издания

Кн. 108

НЬЮ ИОРК

1972

Lib

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград

4445/16

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Л. Зуров</i> — Первый, второй...	5
<i>В. Перелешин</i> — Стихи	13
<i>В. Шаламов</i> — Причал ада. Храбрые глаза	15
<i>Ю. Иваск</i> — Стихи	22
<i>Г. Газданов</i> — Переворот	24
<i>И. Чиннов</i> — Стихи	41
<i>Ю. Кротков</i> — Борис Пастернак	43
<i>Д. Кленовский</i> — Стихи	72
<i>М. Булгаков</i> — Рашель (Публикация А. К. Райт)	74
<i>Г. Глинка</i> — Стихи	81
<i>Л. Ржевский</i> — Об одной творческой преемственности	82
<i>О. Ильинский</i> — Стихи	94
<i>В. Вейдле</i> — Музыка речи	96
<i>М. Гробман</i> — Стихи	124
<i>З. Юрьева</i> — Казимир Вежинский	126

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:

<i>И. Одоевцева</i> — На берегах Сены (О Г. Адамовиче)	134
<i>К. Померанцев</i> — Последний Адамович	159
<i>К. Бугаева</i> — А. Белый в жизни	169
<i>Из дневников И. А. Бунина</i> (Публикация М. Грин)	189
<i>Г. Вернадский</i> — Константинополь	202
<i>В. Поздняков</i> — Генералы РОА в американском плену	218
<i>Н. Рахманинова</i> — С. В. Рахманинов	237

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:

<i>И. Мацкевич</i> — Капитуляция Римской Церкви	248
<i>А. Авторханов</i> — Вечный Микоян	266
<i>Д. Шуб</i> — Из давних лет	283

ПАМЯТИ УШЕДШИХ:

<i>Л. Тихвинский</i> — С. П. Тимошенко	296
<i>Письма в редакцию</i>	303

ИЗ ДАВНИХ ЛЕТ

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Приезд Л. Г. Дейча из Сов. России в Берлин в 1922 г.

Наша переписка

В 1922 г. мой старый приятель, известный революционер еще с 70-х годов Лев Григорьевич Дейч приехал из Советской России в Берлин, откуда должен был отправиться в Париж и Женеву для разбора обширного архива Г. В. Плеханова. Дейч был близким другом и последователем Плеханова еще с начала 80-х годов. Известно, что в 1883 г. он вместе с Плехановым, Верой Засулич и П. Б. Аксельродом организовал «Группу Освобождения Труда». Позже Дейч провел на каторге и в сибирской ссылке 16 лет. О моих встречах с ним в 1905 г. в Женеве, а потом о дружбе с ним в годы пребывания его в Америке в 1912-1916 годах я уже говорил в предыдущих главах воспоминаний. В конце 1916 г. Дейч вместе со своей женой уехал из Америки в Лондон. Когда вспыхнула революция в России, они сейчас же отправились туда и поселились в Петрограде. В 1917 г. я получил от него открытку, вместе с его книжкой воспоминаний, которая вышла еще до революции в Петрограде. Дейч был замечательный мемуарист. Его книга «16 лет в Сибири», вышедшая по-русски в 1902 году в Женеве, была переведена на многие иностранные языки. Его очерк «4 побега» был в 1907 г. напечатан в одном из горьковских сборников «Знание». Пока в России существовала свободная печать, Дейч был членом редакции петроградской газеты Г. В. Плеханова «Единство», и, как Плеханов, он в своих статьях резко критиковал не только большевиков, но и тактику меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров, т.е. всех тех, кого Плеханов прозвал «полуленинцами». В первые годы большевицкой диктатуры имя Л. Дейча я встречал только в не-большевицких исторических журналах «Былое» и «Голос

минувшего», которые тогда еще выходили, хотя и нерегулярно, в Петрограде и в Москве. После того, как и эти журналы были закрыты большевиками, я несколько лет нигде не встречал имени Дейча и не знал даже, жив ли он. (Плеханов умер в мае 1918 года, а Вера Засулич в 1919 году).

В 1920 или в 1921 году я впервые увидел имя Дейча в большевицком журнале «Под знаменем марксизма», который выходил в Москве под редакцией «либерального» большевика Д. Рязанова. В этом же номере были статьи Троцкого, Луначарского. Когда я в 1922 году получил из Берлина открытку Л. Г. Дейча, в которой он писал мне о своих планах насчет архива Плеханова, я ему, конечно, сразу же ответил длинным письмом, в котором, между прочим, рассказал, что большевицкий угар, охвативший в первые годы большевицкой диктатуры значительную часть еврейской социалистической интеллигенции и радикально настроенных рабочих в Америке, уже проходит. В этом же письме я выразил свое удивление, что Дейч сотрудничал в большевицком журнале «Под знаменем марксизма». Копий своих писем к Дейчу я не сохранил, но хорошо помню, что в первом же письме спросил его: «Неужели есть еще на свете такой марксизм, который вы можете защищать совместно с Троцким и Луначарским?» Я выразил глубокую уверенность, что А. Н. Потресов, который после Плеханова был самым выдающимся русским марксистом и последовательным демократом, «в журнале «Под знаменем марксизма» ни в коем случае сотрудничать не станет».

В те годы я был членом нью-йоркской «Группы русских социал-демократов имени Г. В. Плеханова». По инициативе нашей Группы и, главным образом, при нашей финансовой поддержке в 1921 году в Берлине начал выходить ежемесячный журнал «Заря», орган правых социал-демократов, которые в 1917-1918 гг. группировались вокруг Г. В. Плеханова и А. Н. Потресова. Редактором «Зари» был выбран известный социал-демократ, публицист Ст. Иванович (Семен Португейс). В 1917 году он был одним из видных сотрудников петроградской газеты «День», во главе которой стоял А. Н. Потресов. Дейч знал о том, что журнал «Заря» своим существованием обязан, главным образом, нам, «американцам», и в одном из своих писем ко мне дал мне понять, что, по его мнению, мы вместо того, чтобы тратить деньги на издание журнала, «кото-

рый в большевицкую Россию вряд ли попадет», лучше бы эти деньги потратили на издание архива Г. В. Плеханова за границей. В ответ на это его замечание я написал ему, что каждый из нас, конечно, готов помочь ему разобрать и подготовить к печати все, что есть интересного в архиве Плеханова. Но это — материал для будущих историков. Мы же, как социал-демократы плехановского и потресовского толка, в данный момент считаем необходимой борьбу за восстановление в России демократического режима, и цель эта может быть достигнута только объединенными силами всех демократических социалистов и демократов не социалистов, заинтересованных в свержении большевицкой диктатуры и в замене ее демократическим режимом.

В том же письме, кажется, я, между прочим, заметил, что многое из того, что Плеханов писал до войны 1914 года, уже устарело. Его знаменитую книгу «Монистический взгляд на историю», например, которая имела такой успех в 90-х годах, лет через двадцать никто, кроме историков марксизма в России, в руки не возьмет, а вот его двухтомная книга «Год на родине» (сборник статей и речей 1917-1918 годов) останется замечательным памятником февральской революции.

Я узнал, что в Берлине Дейч встречался с Ст. Ивановичем, с интересом читал «Зарю», но потом они поссорились из-за того, что Иванович отказался напечатать его письмо в редакцию, в котором он в самых резких выражениях напал на П. Б. Аксельрода, который во время войны был «интернационалистом», в 1915 г. участвовал вместе с Мартовым, Троцким и Лениным в Циммервальдской конференции, в 1917-м был противником политики Временного Правительства, но после захвата власти большевиками П. Б. Аксельрод резко выступал против большевицкой диктатуры. В письме к Мартову в 1920 году Аксельрод писал: «Не из полемического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал десять лет тому назад, то есть в 1910 году, ленинскую компанию прямо как шайку черносотенцев и уголовных преступников *внутри* социал-демократии». «Представление об историческом смысле большевизма, о наличии причин, вызвавших его на авансцену истории, ничуть не вытесняет из моего сознания того факта, что большевики достигли власти путем грубейшего, бессовестного об-

мана рабочих и солдатских масс средствами невероятно демагогическими и преступными».

Не помню, что заставило Дейча в 1922 году выступить против П. Б. Аксельрода, но именно поэтому Ст. Иванович отказался напечатать в «Заре» письмо Дейча. Дейч, естественно, очень обиделся за это на Иванoviча. Между прочим, Ст. Иванович в 1922 г. выпустил в Берлине книжку под заглавием «Пять лет большевизма». Это была одна из очень талантливых книг против большевизма и советской диктатуры. Авраам Каган, известный американский писатель, один из пионеров социалистического движения в Соединенных Штатах и многолетний редактор газеты «Форвертс», который в первые годы революции поддерживал большевиков, через несколько лет после того, как прочитал книжку Иванoviча, сказал мне, что эта книга окончательно убедила его в том, что большевицкая диктатура — «величайшее несчастье для России и для всего свободного мира». Ст. Иванович печатал также свои талантливые статьи в парижских «Современных Записках», где подвергал резкой критике идеологию, политику и тактику официальных представителей РСДРП — Мартова, Абрамовича, С. Шварца, Ф. Дана и др. сотрудников «Социалистического вестника», которые тогда были чуть ли не самыми «левыми» социалистами во всей Европе.

Я приведу здесь длинные выдержки из писем Льва Дейча ко мне, которые имеют не только исторический интерес. В письме от 21 ноября 1922 года Дейч писал:

«Дорогой Шуб! Большое Вам, сердечное спасибо за Ваше доброе, товарищеское отношение. Очень Вам благодарен за присылку 75 дол., а также за то, что пристроили мои «записки», чему я чрезвычайно рад. Вы, конечно, знаете, что у меня много еще ненапечатанных продолжений сверх уже вышедших в «Гол. Минувшего». Только осенью обещает «Задруга» приступить к печатанию 2-й части... Возможно, как Вы пишете, что Григ. Абр. (Г. Зив) «неправильно информировал меня», стусив краски, и если гипноз, охвативший было значительные слои американских евреев, уже начал проходить, то могу этому только радоваться. Но боюсь, как бы затем не бросились многие в противоположную крайность. Даже и Вы лично, которого я всегда считал (и продолжаю считать) одним из наиболее правильно разбирающихся в политических вопросах, по-

видимому, склонны перегнуть палку, судя по Вашему последнему письму. Так, Вы выражаете недоумение по поводу совместного помещения статей Любови Аксельрод и Деборина рядом с Троцким и Луначарским в «Под знаменем марксизма». Неужели Вы допускаете мысль, что я, Любовь Аксельрод (я не говорю о Деборине, так как хотя и знаком с ним, но знаю его мало) не понимаем, не умеем решить, что дозволено, а что преступно делать теперь, находясь в России? Так вот скажу Вам: только потому, что моя статья «Как Плеханов стал марксистом», которую я предназначал для этого же юбилейного № «Под знаменем марксизма», чересчур у меня разрослась и я не захотел ее сократить, она не попала в этот №, а была отдана мною в большевистский же журнал «Пролетарская революция», редактируемый Ольминским (он же, помните, Галерка). По-вашему выходит, что я не должен был сделать это, ибо иначе «своим сотрудничеством я покрываю их преступления»? Но тогда я не должен Л. Аксельрод, Деборин и я, но также и Потресов и другие, гнушие, как и Вы, чересчур направо. Тогда не следует также работать ни в «Революционный Архив», ни в революционный Музей, ни в Институте Маркса и Энгельса, где пристроились все мы, выше перечисленные, а также Вера Фигнер, Сажин, Прибылев, Аптекман и все др. старики. Допускаю, что, жив был бы Плеханов, он не стал бы сотрудничать у них, и я это одобрил бы, но чего можно было требовать от него, того нельзя предъявлять ко всем остальным. Конечно, Б. Горев мелет чушь и проповедует возмутительные вещи, на что я публично, на митинге, и указывал в ответе на его выступление. Но, по-вашему, я не должен был также и выступать публично в Обществе бывш. ссыльно-поселенцев и каторжан в Москве по поводу 5-тилетия русской февральской революции. Перейду ко второму пункту вашего перегибания и моего с Вами несогласия, это относительно вашего восторженного отношения к Потресову и Ст. Ивановичу.

Я уехал из Москвы, не простившись с Потресовым, потому что после происходивших у нас с ним теоретических дискуссий для меня выяснилось, что он чересчур гнет направо: — свержение большевиков, хотя бы для этого нужно было соединиться с кем бы то ни было — с Деникиным, Врангелем, хотя бы последние затем перерезали всех евреев, всю интел-

лигенцию. Словом, проповедует то, что и Ст. Иванович, что и Б. Савинков, Вл. Бурцев, Г. Алексинский и др. безголовые деятели. Нет-с, извините, если бы даже сам Маркс мне говорил, что лучше соединиться с Николаем Николаевичем и т.д., я бы и Марксу сказал бы «извините», не могу согласиться с Вами! И если бы с ним согласились *все*, даже и Плеханов, я все же остался бы на теперешней своей позиции, как я это *всегда* делал, в течение всех 50-ти лет своей прикосновенности к революц. движению.

Вы восторгаетесь статьями Ст. Ивановича, а, по-моему, он, как и Потресов, и Каутский, испугавшись интернационализма Ленина и К^о, перешел на сторону оппортунизма Эдуарда Бернштейна конца 90-х гг.: они тоже теперь отрекаются от всего революционного марксизма, от полувекowego пролетарского движения. Результатом этого направления, если бы оно расширилось, было бы лишь то, что коммунизм все более распространялся бы. Само собою разумеется, что из моих слов совершенно не следует, будто большевики хороши; наоборот, я целиком, решительно против их тактики, против их возмутительных приемов. Но из этого вовсе не следует, что я поэтому пойду с Деникиным, Врангелем, Пилсудским и т.п. А Потресов, Ст. Иванович, Алексинский и К^о готовы идти с ними, поэтому мне с ними не по пути, потому что этот путь привел бы только к еще большим несчастьям, разорению страны, движению назад. Я поэтому ни в тех, ни в сих; все же сотрудничать в произведениях перечисленных лиц, из них даже в изданиях «наиболее талантливых рус. соц. публицист.», не стану, а вот, в журналах большевиков помещаю статьи.

Надеюсь, Вы поняли мою точку зрения. Кстати, на днях я получил из Москвы № журнала «Творчество», в котором 2 мои статьи: 1) о «Социалистах в изображении Тургенева в «Нови», и 2) по поводу «Записок шлиссельбургской узницы» (о кн. В. Фигнер «Запечатленный труд»). Читали ли Вы эти статьи? Что же, по-вашему, я не должен был выступить с опровержениями ни Тургенева, ни В. Фигнер, т.к. «Голос Мин.», где я тоже состою сотрудником, отказался их поместить? Словом, если быть последовательным, по *вашему* мнению, то мне, а также Л. Аксельрод и др. нашим единомышленникам, не могущим покинуть Россию по тем или другим причинам, пришлось бы, сложа руки, ждать, когда смерть придет.

А она скоро пришла бы, как это мы *ежедневно* там видим, потому что, ни в чем не участвуя, мы не могли бы даже так скудно питаться, как там нам приходится. Знаете ли вы, что весной минувшего года я уже *еле волочил ноги*, и если бы не большевик (нар. ком. здравоохранения) Семашко, меня наверное не было бы уже более в живых. Не знаю, кому бы это было нужно? Кому я мешаю, что еще держусь на ногах и кое-что пописываю для истории? А вот Ст. Иванович, готовый пойти с кем *угодно*, наверно, как и Вы, осуждаете меня (вместе с Л. Аксельродом) за сотрудничество в большевистских органах.

Могу прибавить, что, кроме архива Плеханова, а нашем распоряжении имеются такие еще архивы: В. И. Засулич, Ал. Ив. Любимова (бывш. члена Ц. К. большевиков, ставшего плехановцем), д-ра Васильева, умершего в Петрогр., А. Кольцова (Гинзбурга) и мой. Имей мы хотя бы такие средства, какие стоит «Заря», мы *немедленно* стали бы (в Берлине) издавать исторический журнал, который — я уверен — привлек бы всеобщее внимание. Вместо этого Вы поддерживаете, чорт знает для чего и для кого, «Зарю» Ст. Ив., вызывающую, в лучшем случае, лишь пожимание плечами. «Кому, мол, сей 'орган' нужен?!» Довольно!

Жму крепко руку. Кланяюсь всем. Пишите. Л. Дейч».

К этому письму была приписка жены Дейча, Эсфири Марковны:

«Дорогой товарищ Шуб, мне кажется необходимым внести некоторое дополнение в мотивировку Л. Гр., так как она может показаться недостаточно ясной для тех, кому не пришлось прожить эти годы в России. Решение бросить полный бойкот большевиков вытекает не из компромисса и не из практического приспособления ради заработка, а из убеждения, что теперь в России так же необходимо вмешаться в жизнь и по возможности проникнуть во все ее области и при большевиках, как это было необходимо в России во время войны, при самодержавии.

Интересы России, ее *оборона* от физической гибели требуют сейчас не заговоров против большевиков, а работы на восстановление России, хотя бы пришлось работать рядом с большевиками. Причем в этой практической работе никто, конечно, не должен отступать *на деле* от своих воззрений, хотя он и стеснен в выражении своих воззрений. Такое само-

ограничение в России сейчас необходимо, и из-за него никто не имеет права отказываться от практической работы, потому что она спасает Россию: чем больше некоммунистов принимает участие в этой работе, тем больше рассеивается коммунистический туман, гипноз.

Надо думать, что будь Плеханов жив, он именно этого и требовал бы от своих товарищей, как он требовал во время войны вхождения в военно-промышленные комитеты, хотя они действовали под эгидой самодержавия. Он сам мог бы и не принимать в этом участия, потому что его миссией было — теоретическое разоблачение большевиков, но это не помешало бы ему посылать на практическую работу рядом с ними, разумеется, не на ответственных должностях.

За припиской Э. М. следовал постскрипту Дейча:

«П. С. После приписки Эсф. Мар. Вам, вероятно, станет более ясной наша точка зрения и занятая нами позиция по отношению большевиков. Добавлю еще, по совету Эсф. Марк., что в находящихся в нашем распоряжении архивах имеются такие ценные документы, как письма Энгельса, Лаврова, Степняка, не говоря уже про Ленина, Каутского, старого Либкнехта, Бебеля и мн. др. Имеются также и некоторые ненапечатанные статьи Плеханова и Веры Засулич. Все это, повторяю, с нашими комментариями, могло бы увидеть свет, если бы Вам всем действительно «ближе и дороже было наследие Плеханова, чем кому бы то ни было». Еще раз крепко жму руку и желаю Вам и всем выйти из затруднительного материального положения. Л. Дейч».

В письме от 4 апреля 1932 г. Дейч на мой упрек — почему он печатает статьи в коммунистическом журнале «Пролетарская революция», где печатаются воспоминания разных чекистов, мне ответил:

«Вы сетуете в вашем письме, зачем я помещаю статьи в «Прол. Рев.» Должен Вам сказать, во-1), что когда я получил от председателя «Истпарта» Ольминского (он же Галерка) предложение поехать за архивом Плеханова, я не знал, что он является в то же время редактором «Прол. Рев.», которую я, живя в Петрограде, в глаза не видел; во-2), тогда мне никто из близких товарищей не указывал, что в этом журнале печатаются одиозные статьи разных чекистов, да, мож. б., таких и не было тогда в этом журнале, в-3), до получения ва-

шего последнего письма я совершенно не знал о перечисленных Вами статьях, т.к. не имею физической возможности читать ни этого, ни др. журналов; в-4), как я уже упомянул, я получил возможность поехать за границу именно благодаря хлопотам Ольминского (а также Семашко — племянника Плеханова), который, как председатель «Истпарта» и редактор «Пролет. Рев.», обязал меня за это обещанием всякий полученный здесь материал предоставить ему: предо мною была альтернатива: или поехать сюда и разобрать архив Плеханова, или навсегда отказаться от этой цели и предоставить архив на волю судеб. Мы с женой выбрали первое.

Правда, Розалия Марковна Плеханова (вдова Плеханова — Д. Ш.) не согласилась предоставить большевикам архивы мужа, и мы уехали из Парижа почти ни с чем из его литературного наследства, но мне удалось понаскрести там, помимо этого, кое-что небезынтересное, что, в силу взятого на себя обязательства, я отчасти уже переслал в Москву для «Прол. Рев.», а отчасти везу туда с собою. Не будь этого обязательства, я, конечно, не стал бы там печататься. Но нарушить данное слово я также не могу: этого не делают даже уголовные арестанты по отношению тюремного начальства. Вы, б.м., скажете, что по отношению большевиков, делающих всякие ужасы и гадости, можно не сдерживать слова. Я с этим не согласен. Итак, Вы и впредь будете встречать мои статьи и материалы из архива Плеханова на стр. «Пр. Рев.», в противном случае мне не следовало ехать сюда для разборки архива. Несмотря на некоторые неприятности, с которыми, как видите, сопряжена эта моя миссия, я, в конце концов, все же очень доволен, что воспользовался этим случаем и порылся в архиве Плеханова: я извлек оттуда немало такого, о чем совсем забыл и думать.

...Мои работы по архиву приходят к концу, и мы с женой числа около 15-го намерены отправиться обратно в Москву, где и устроимся. Пока же у меня масса очень спешной и разнообразной работы. Поэтому не удивляйтесь, если не на все пункты вашего письма отвечу. Я надеюсь также, что, будучи в России, мы также будем с Вами переписываться, — пока, повторяю, адресуйте д-ру Фр. Гинзбург. — Ну, всего Вам доброго и большое спасибо Вам за ваши старания приходить нам на помощь. В заключение скажу, что меня очень обрадовало ваше сообщение о том, что Вы не признаете теперь пра-

вым г-на Португейса (его отказ поместить в «Заре» письмо в редакцию Дейча. Д. Ш.), — это признание делает Вам честь. Надеюсь, что со временем Вы также признаете меня правым и по другим спорным с Вами у нас пунктам, — запомните это. Ну, всего, всего Вам наилучшего. Кланяюсь Вашим. Эсфирь просит передать Вам ее привет. Крепко жму руку. Ваш Лев Дейч».

Как я уже упомянул выше, у меня не сохранились копии моих писем к Л. Г. Дейчу, но у меня сохранился номер журнала «Заря» с моей статьей «Письмо к товарищу». Первая часть этой статьи была почти копией моего письма к Дейчу. Вот что я писал ему в ответ на его упреки не только мне, но и Потресову, Каутскому и др.:

«Да, Вы правы: мы все сильно изменились за эти годы. Тяжелый урок войны и большевизма не прошел даром для большинства из наших товарищей, оставшихся за границей. Мы научились смотреть на действительность более трезвыми глазами и оценивать события не с точки зрения предвзятых формул и застывших догм, а исключительно с точки зрения исторического опыта и тех возможных результатов, которыми чревато данное событие. Вы же, насколько я могу судить по Вашему письму, живя все время в душной, затхлой атмосфере «коммунистического рая», по-видимому, не имели возможности проверить свои взгляды на основании опыта Западной Европы и потому застыли на совершенно устаревших партийных догмах 1917 г. Так из Вашего письма я убедился, что Вы остались тем же ортодоксальным марксистом, каким были в 1917 г. Вы не признаете большевистского «коммунизма», Вы считаете Ленина и Троцкого авантюристами и их диктатуру гибельной для России. Вы обвиняете их в том, что они опозорили социализм в России, уничтожили все завоевания Великой Мартовской Революции 1917 г. и своей безумной кровавой политикой разрушили страну до основания и довели русский народ до людоедства.

И все же, несмотря на все это, Вы решительно против тех социалистов, которые проповедуют единый демократически-республиканский фронт для свержения большевистской диктатуры и замены ее демократической республикой. При всей Вашей глубокой ненависти к «чекистских дел мастерам», которыми для Вас являются все эти Троцкие, Зиновьевы, Бухарины

и Дзержинские, Вы все же продолжаете считать большевиков социалистами, хотя и плохими, не совсем чистыми на руку. Вот в этом — корень наших разногласий.

Вообще нам, социалистам, не ослепленным узко-партийным фанатизмом, кажется, что давно пора сдать в архив всю теорию о гегемонии пролетариата в современной России. Пролетариат численно ничтожен в России, а остатки его физически и морально разбиты. Силами одного пролетариата, включая даже и тех пролетариев, которые идут еще под большевистскими знаменами, не только нельзя будет восстановить Россию, но даже ликвидировать ту «диктатуру пролетариата», которая при помощи красной армии и всяких «Чека», господствует в настоящее время в России. Пролетариат может быть только одним из слагаемых в той сумме демократических сил, которая может ликвидировать большевистскую диктатуру и восстановить Россию.

А под демократическими силами мы разумеем не только те незначительные кадры крестьянства, идущие за В. М. Черновым и его единомышленниками, но и те «обуржуазившиеся» массы деревенского и городского населения и ту интеллигенцию, которые заинтересованы в установлении такого нормального демократического строя в России, какой господствует в настоящее время почти во всей Западной Европе и Америке. Эти широкие народные массы, не связанные в прошлом ни с поместным дворянством, ни с чиновно-бюрократической реакцией свергнутой монархии, знать не хотят ни о каком социализме, однако они в огромнейшем большинстве своем и слышать не хотят о реставрации старой дворянско-бюрократической монархии. Они не имеют еще своих идеологов, как не имеют еще стройно выработанной идеологии, но они твердо знают, чего они не хотят и что лучше соответствует их интересам».

Последнее письмо от Дейча я получил в апреле 1923 г., накануне его отъезда с женой в Советскую Россию. В этом письме он, между прочим, писал: — «Мы не утверждаем, что «на смену большевикам придут непременно черносотенцы»: опять не по адресу. Но мы не разделяем такого, напр., взгляда: «пусть кто угодно придет им на смену, пусть их преемники вырежут всех евреев и всю интеллигенцию, но зато сохранится Россия, русский народ». Это взгляд Потресова, высказанный

им в присутствии нескольких товарищей, почему я его и его последователя Ст. Ивановича «свалил в одну кучу с Савинковым и др.», в чем Вы меня попрекаете совершенно напрасно. Вы совершенно правы, признавая Савинкова, Бурцева и Алексинского «большевиками наизнанку», но к этой теплой К⁰ я также отношу и людей, которые признают себя солидарными с такими мракобесами.

Откуда, далее, Вы взяли, что кому-либо из нас «приходит в голову проповедывать отказ от всякой борьбы с большевиками»? Но живя пять ужасных лет в центральных городах советской России, а не в Нью-Йорке, мы полагаем, что ваша формулировка «главнейшей задачи рус. соц. и демократов — организация народных сил вокруг лозунга воссоздания демократ. республики в Рос. и восстановления ее производительных сил» — *в настоящее время и в ближайшем будущем является чистой фразой.* По-моему, социалисты всех оттенков еще в течение *нескольких лет* в самой России не будут в состоянии вести ни подпольной, ни тем более открытой борьбы, а тем менее «организацию народных сил» и т.д. Такими целями можно задаваться, только живя в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Берлине, что, повторяю, имеет на судьбы России такое же влияние, какое на луну собачий лай.

Так что же, б.м., спросите Вы, делать, по-моему? Ведь вот 40 лет назад вы, в качестве члена Группы Осв. Тр. проповедывали и т.д.? На это отвечу: то было 40 лет тому назад, а теперь другие времена, другие нравы и обстоятельства. Вы заявляете: «так как большевики сами добровольно не откажутся от своей диктатуры, то надо, не бойкотируя большев. власть, организовывать широкие массы, как мы делали это во времена царизма». Но в том-то и беда, что теперь не времена царизма: тогда можно было это делать, а теперь *невозможно*, чему доказательств и у Вас сотни, а у нас — тысячи.

Но мы не согласны с первой половиной вашей фразы: «так как большев. и т.д.» Откуда Вы это почерпнули? Я, в качестве убежденного марксиста, утверждаю, что *экономика заставит* большевиков отказаться от их диктатуры, иначе они полетят кувырком. Не могу только в точности сказать, когда эта неумолимая дама предпишет им свой ультиматум, но что рано или поздно она это обязательно сделает, это для нас, живущих в России, столь же несомненно, сколько то, что после

зимы наступает весна и т.д. А толкнет большевиков на это экономика не вследствие словесных потоков в зарубежных изданиях об организации «народных масс вокруг» тех или др. лозунгов, а фактическая работа на месте. Но довольно. Едва ли мы можем сговориться по этим вопросам, поэтому оставим их.

Ну, всего Вам доброго. Не сердитесь, если я Вас чем обидел в полемике или в чем др.: ведь Вы знаете, что я всегда к Вам хорошо относился и теперь тоже. Эсфирь Марковна просит передать Вам сердечный привет. Она с нетерпением ждет момента нашего возвращения в Россию. Лев Дейч».

В моем последнем письме к Дейчу я опять упрекнул его, что он продолжает сотрудничать в журнале «Пролетарская революция», где печатаются статьи чекистов. Дейч уже из Москвы мне ответил открыткой: «Неужели Вы не понимаете, что это кость, которую необходимо бросить злой собаке?»

Я его очень хорошо понял и больше никогда не критиковал. Он вернулся в Россию с архивом Плеханова и потом опубликовал шесть объемистых сборников «Группы Освобождения Труда» с чрезвычайно интересным материалом из архивов Веры Засулич. Первые четыре номера он мне еще прислал. Он также прислал и несколько своих брошюр. Потом перестал писать. Но когда мой коллега М. Хиной был в Москве и встретился там с Дейчем, Дейч через него послал мне свой «горячий, дружеский привет». А Хиною, которого он знал еще в Америке, дал свой фотографический снимок с надписью: «Дорогому товарищу М. Хиною от *старого социал-демократа Льва Дейча*». Дейч этим подчеркивал, что остался *социал-демократом*. Его надежда, что «экономика» заставит большевиков отказаться от своей диктатуры, однако до сих пор не сбылась.

А в своей статье о Плеханове, которую он прислал мне до войны и которую я напечатал в журнале «Цукунфт», он рассказывал, что Плеханов за несколько месяцев до своей смерти в финляндской санатории «неоднократно обращался к нему с по-видимому глубоко его мучившим вопросом: Не слишком ли рано мы в крестьянской, полуазиатской России начали проповедь марксизма?»